

О пребываніи хана Улу-Махмета въ городѣ Бѣлевѣ.

Самое названіе нашего города *Бѣлево* или *Бѣлево* ¹⁾, по нашему мнѣнію происшедшее отъ слова *бѣла* или *бѣлка*, которою Вятичи платили свою дань Казарамъ, а равно и названіе многихъ, находящихся вокругъ Бѣлева селеній, мѣстностей и рѣчекъ такими именами, которыя ясно напоминаютъ намъ собою извѣстныя историческія лица и событія давно прошедшихъ временъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что г. Бѣлевъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ не только нашей Тульской губерніи, но и вообще земли Вятичей ²⁾. По меньшей мѣрѣ онъ просуществовалъ уже на свѣтѣ 1000 лѣтъ, если допустить, что онъ основанъ былъ Казарами. Если же принять во вниманіе то обстоятельство, что мы въ самомъ же городѣ Бѣлевѣ по берегамъ р. Оки, Вырки и пересохшей теперь Бѣлевки и въ различныхъ мѣстахъ города нашли до 1500 штукъ разнаго рода орудій *каменнаго періода* и одну большую иглу изъ слоновой кости, а равно и кости мамонта, то нельзя не придти къ тому заключенію, что Бѣлевъ, если не какъ городъ, то какъ мѣсто населенія здѣсь человѣка, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ поселеній *человѣческаго* рода на берегу р. Оки. Еще въ доисторическія времена *каменнаго періода*, а можетъ быть, еще даже *въ эпоху мамонта* человѣкъ пришелъ сюда изъ глубины Азіи—этой колыбели *человѣчества* и поселился среди дремучихъ лѣсовъ на берегу р. Оки, Вырки и Бѣлевки не временно, не мимоходомъ, а на постоянное жительство, занимаясь здѣсь звѣриною и рыбною ловлею, оборонялся отъ враговъ и самъ готовился къ нападенію на нихъ, изготовляя здѣсь *кремневыя орудія* разнаго рода, начиная отъ самыхъ первобытныхъ и кончая шлифованными. Не можетъ быть того, чтобы со времени подчиненія себѣ Вятичей князьями Киевскими г. Бѣлевъ, находившійся на древнемъ водномъ пути въ Камскую Болгарію и Казарію, не былъ извѣстенъ древнимъ лѣтописцамъ. Тѣмъ не менѣе на страницахъ исторіи

¹⁾ См. Ист. Татищева т. V стр. 157 167.

²⁾ См. наше изслѣдованіе о древности существованія г. Бѣлева въ №№ 22, 23, 24 Тул. Епарх. Вѣд. 1894 года.

ими его появляется весьма поздно, уже тогда, когда Бѣлевъ былъ удѣльнымъ княжескимъ городомъ¹⁾, признававшимъ надъ собою власть князей литовскихъ. Поводомъ къ этому упоминанію о немъ послужило весьма важное историческое событіе—пробываніе въ немъ хана татарскаго Улу-Махмета.

Не всѣ русскія лѣтописи говорятъ о пребываніи хана Улу-Махмета въ г. Бѣлевѣ и пораженіи имъ большаго Московскаго войска на берегахъ р. Бѣлевки, а лишь нѣкоторыя, и при томъ говорятъ очень кратко, а г. Рычковъ въ своемъ „опытѣ Казанской исторіи“ даже совсѣмъ подъ Бѣлевымъ не разумѣетъ нашего города. Тѣмъ не менѣе есть полная возможность признать, что и у нашихъ русскихъ и у казанскихъ лѣтописцевъ рѣчь идетъ не о какомъ—либо иномъ городѣ, какъ о нашемъ: почему какъ Кармазинъ, такъ и другіе русскіе историки, а за ними и всѣ изслѣдователи нашей Бѣлевской старины не усумнились признать, что въ лѣтописяхъ подъ 1437 и 1438 годами именно говорится о г. Бѣлевѣ въ бывшей землѣ Вятичей, а не о какомъ—либо поселеніи близъ г. Казани, какъ думаетъ г. Рычковъ. Обращаемся къ самымъ историческимъ источникамъ, находящимся у насъ подъ руками.

Въ первой Софійской лѣтописи сказано: „Въ лѣто 6945 (1437) бысть бой на рѣцѣ Бѣлевѣ съ татари князю великому Василю Васильевичу, со царемъ Махметомъ со сыномъ своимъ Маматякомъ“²⁾, въ вариантѣ же ея сказано нѣсколько иначе: „Въ лѣто 6946 (1438) мѣсяца Декабря 5, бой бысть великимъ княземъ Русьскимъ на Бѣлевѣ съ царемъ Махметомъ, и множество бысть вой Русьскихъ, а татаръ весьма мало: и подъ *городъ* придоша Русьстии полцы“...³⁾ Здѣсь уже упоминается о городѣ, но какой это былъ городъ и чей именно, ничего еще не видно. Вторая Софійская лѣтопись, передающая всѣ обстоятельства этого боя болѣе подробно, чѣмъ первая, объясняетъ намъ и то, подъ какою именно *городъ придоша Русьстии полцы* и гдѣ онъ находился. Въ ней сказано: „и постави себѣ Махметъ *городъ на рѣцѣ на Бѣлевѣ*, отъ хвастія себѣ исплеть, и снѣгомъ посыпа

¹⁾ Нѣкоторые изслѣдователи Бѣлевской старины полагаютъ, что Бѣлевъ сдѣлался удѣльнымъ городомъ въ 1468 г.; но изъ исторіи кн. Щербатова видно, что еще *предки* Ивана, Андрея и Василя Васильевичей Бѣлевскихъ имѣли удѣломъ Бѣлевъ.

²⁾ См. Полн. Собр. рус. лѣт. т. V стр. 267, столб. 1.

³⁾ См. Полн. Собр. рус. лѣт. т. V стр. 267, столб. 2.

и водою поли, и смерзся крѣпко, и хотѣ ту зимовати“ ¹⁾. Точно такъ же и въ лѣтописи казанской говорится о томъ, что Махметъ, „для защиты своей отъ набѣговъ непріятельскихъ въ зимнее время, сдѣлалъ изъ толстыхъ льдинъ *городъ*, который велѣлъ усыпать снѣгомъ и улить водою,“ и что въ этомъ то именно ледяномъ своемъ городѣ онъ засѣлъ съ своими воинами, когда пришло на него русское войско. ²⁾ Ясно, что во всѣхъ этихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ рѣчь идетъ именно о ледяномъ городѣ, построенномъ Махметомъ на берегу рѣки Бѣлевы. Но гдѣ же именно эта рѣка Бѣлева, на которой построенъ былъ этотъ городъ?— Вотъ вопросъ весьма важный. Г. Рычковъ думаетъ, что эта рѣка была не вдалекѣ отъ бывшаго (старого) города Казани: „примѣчается изъ писанія, говоритъ онъ, что было то неподалеку отъ бывшаго города Казани, токмо на нагорной сторонѣ рѣки Волги.“ ³⁾ Но г. Рычковъ впадаетъ здѣсь въ большую ошибку. Въ лѣтописи Воскресенской прямо и ясно сказано, что осенью 1438 года „*пришедеъ царь Махметъ съиди въ градъ Бѣлевъ*,“ и къ *Бѣлеву* великій князь Василій Васильевичъ Темный посылалъ войска ⁴⁾; въ Архангельской же лѣтописи сказано слѣдующее: „Воеводы великаго князя изошли татаръ *подъ городомъ* безвѣстно, и царь *противъ города* сѣлъ *въ острожь* и учалъ бити челомъ.“ ⁵⁾ Здѣсь ясно различаются два укрѣпленія, одно противъ другаго бывшія въ то время, *городъ* и *острожь*, т. е. самый городъ Бѣлевъ, къ которому воеводы великаго князя подошли внезапно, и то ледяное укрѣпленіе, которое сдѣлалъ для себя Улу-Махметъ. Сверхъ того какъ въ той же самой Архангельской лѣтописи, такъ и во второй Софійской упоминается о Григоріѣ Протасьевѣ, воеводѣ Мценскомъ, который великимъ княземъ Литовскимъ былъ присланъ на помощь русскимъ. Неестественно предполагать, чтобы Литовскій князь послалъ воеводу Мценскаго на помощь русскимъ не въ Бѣлевъ, подвластный ему, а куда-то къ старой Казани на берега Волги. Наконецъ, мѣстное наше преданіе не только сохранило въ народѣ память о *ледяной крѣпости*,

¹⁾ См. Поли. Собр. рус. лѣт. т. VI стр. 150.

²⁾ См. Рычкова Опытъ Казанской Исторіи стр. 77.

³⁾ См. Рычкова Опытъ Казанской Исторіи стр. 77.

⁴⁾ См. Поли. Собр. рус. лѣт. т. VIII стр. 107.

⁵⁾ См. Прим. къ Ист. Гос. Росс. Карамзина т. V стр. 205 прим. 288 по изд. 1852 г. Тамъ же говорится, что Протасьевъ посылалъ своего человѣка къ царю „въ острожь“ т. е. въ его ледяное укрѣпленіе.

по и указываетъ самое мѣсто, гдѣ находилась эта крѣпость, именно то самое мѣсто на берегу р. Бѣлевки, гдѣ потомъ былъ основанъ „новый острогъ“ или новая крѣпость, остатки которой цѣлы и доселѣ близъ теперешняго тюремнаго замка и Успенской церкви, какъ разъ противъ „старога городища“ или древней крѣпости г. Бѣлева.

И такъ, мы установили тотъ фактъ, что ханъ Улу-Махметъ дѣйствительно имѣлъ свое пребываніе въ г. Бѣлевѣ. Теперь изложимъ самую исторію его пребыванія въ нашемъ городѣ и изгнанія его отсюда войсками Московскаго великаго князя, насколько это возможно по имѣющимся у насъ историческимъ даннымъ въ настоящее время.

Послѣ побѣды Дмитрія Іоанновича Донскаго въ 1380 году надъ татарами на Куликовскомъ полѣ, Большая Золотая или Кипчакская Орда стала все болѣе и болѣе ослабѣвать отъ внутреннихъ безпорядковъ и междоусобій ордынскихъ хановъ и князей; а Московское государство все болѣе и болѣе усиливалось. Тѣмъ не менѣе татары долго еще владычествовали надъ Русью, и великіе князья Московскіе волею или неволею должны были получать отъ хановъ Ордынскихъ ярлыкъ на свое великокняжеское достоинство и давать имъ обязательство платить положенную ханами дань. Подобно другимъ, и внукъ Дмитрія Донскаго Василій Васильевичъ Темный, во время спора своего съ дядею Юріемъ Дмитриевичемъ за великокняжескій престолъ, долженъ былъ ѣхать въ Орду, чтобы тамъ получить отъ хана ярлыкъ на свое великокняжеское достоинство. Ханомъ въ это время былъ Улу-Махметъ, человекъ слабо-характерный, но гордый своимъ достоинствомъ, добрый и разсудительный. Каждый изъ соперниковъ и претендентовъ на великокняжескій престолъ имѣлъ свои права по духовному завѣщанію своего отца, но одинъ изъ нихъ, именно Василій Васильевичъ, былъ еще юноша, а другой почти уже старецъ. Отъ воли хана зависѣло утвердить того или другого изъ нихъ на великокняжескомъ престолѣ, и Улу-Махметъ, желая показать свою власть надъ Русью, утвердилъ на этомъ престолѣ не дядю, какъ старшаго въ родѣ, имѣвшаго право на этотъ престолъ по завѣщанію Дмитрія Донскаго, а юношу—племянника, имѣвшаго право на этотъ-же престолъ по завѣщанію своего отца. Этотъ-то самый ханъ Улу-Махметъ, спустя потомъ немного лѣтъ, былъ изгнанъ изъ Орды, по свидѣтель-

ству казанскихъ лѣтописей, Яицкимъ княземъ Едигеемъ ¹⁾, а по свидѣтельству нашихъ историковъ Карамзина и другихъ братьемъ своимъ Кичимомъ ²⁾, и съ женами своими и дѣтьми бѣжалъ за Волгу и тамъ нѣкоторое время скитался съ ними по степнымъ мѣстамъ, собирая вокругъ себя вѣрныхъ ему людей. Имѣя въ виду, что онъ въ теченіе своего царствованія оказалъ великому князю Московскому благодѣяніе какъ утвержденіемъ его на великокняжескомъ престолѣ, такъ и тѣмъ, что не требовалъ съ него настойчиво дани и не собиралъ ее силою ³⁾, Улу-Махметъ обратился съ просьбою къ Василию Васильевичу Темному позволить ему побыть въ предѣлахъ російскихъ дотолѣ, пока онъ соберетъ свои войска и отомститъ своему сопернику, обѣщаясь по собраніи своихъ людей немедленно выйти изъ предѣловъ Россіи. Чувствуя благодарность къ хану, Василій Васильевичъ позволилъ Улу-Махмету поселиться на время на границахъ Московскаго государства въ предѣлахъ г. Бѣлева, подвластнаго тогда Литвѣ, и, одаривъ, приказалъ принять его съ честью на границахъ своего государства. Пришедши въ бѣлевскія мѣста, вѣроятно, съ согласія великаго князя Литовскаго, въ 1437 году, Улу-Махметъ осенью 1438 года прибылъ въ г. Бѣлевъ съ 3000 своихъ людей и расположился здѣсь на берегу Бѣлевки на зимовье, занявши своимъ войскомъ сѣверное укрѣпленіе, или городище противъ самой главной городской крѣпости, посадскія слободы, а равно и городокъ на берегу же Бѣлевки къ сѣверо-западу отъ этого городища, такъ что весь лѣвый берегъ Бѣлевки съ двумя удобными сходами къ этой рѣкѣ, и вся сѣверная часть Бѣлева отъ впаденія Бѣлевки въ Оку и до „большаго оврага“ сдѣлалась мѣстомъ его новаго пребыванія въ средѣ оставшихся вѣрными ему татаръ. Когда наступила зима, ханъ устроилъ здѣсь изъ хвороста и толстаго

¹⁾ См. Рычкова „Опытъ Казан. Ист. стр. 54 и 76.

²⁾ См. Ист. Гос. Росс. Карамзина т. V стр. 270 и Ист. Россіи съ древн. врем. Соловьева т. IV стр. 65.

³⁾ Исторіографъ нашъ Карамзинъ, вопреки сказанію объ этомъ казанскихъ лѣтописцевъ, утверждаетъ противное; но намъ кажется, что въ этомъ случаѣ онъ самъ погрѣшаетъ. Приведенныя имъ указанія не подтверждаютъ его мнѣнія категорически: упоминаніе о дани татарамъ въ договорѣ Василія Васильевича съ Шемякою 1436 г. еще не доказываетъ того, чтобы Улу-Махметъ всегда бралъ съ него всю дань, потому что *de jure* дань эта существовала, а *de facto* могла и не быть; въ 1437 году татары могли взять поборы съ Рязани и Украинскихъ селеній и помимо воли на то Улу-Махмета, а 1439 г. Улу-Махметъ уже мстилъ великому князю за изгнаніе его изъ Бѣлева.

льда крѣпость и приказалъ ее посыпать снѣгомъ и полить водою, чтобы все смерзлось и представило собою надежную твердыню въ случаѣ внезапнаго нападенія на него какихъ либо непріятелей. Предосторожность эта была во всякомъ случаѣ не лишняя, потому что тутъ могли напасть на него внезапно и Крымскіе или Яицкіе татары, и Нагайцы и самъ соперникъ его; но она же была и причиною его горя здѣсь. Построенная имъ ледяная крѣпость, какъ думаетъ г. Рычковъ, могла издали казаться каменною крѣпостію, и вѣсть о построеніи такой крѣпости могла дойти и до великаго князя Василія Васильевича и ввести его въ сомнѣніе относительно дѣйствительныхъ намѣреній Улу-Махмета, особенно же въ виду того, что татары по степному своему обычаю для прокормленія себя дѣлали набѣги на сосѣднія мѣста рязанской области, и самое число людей при немъ увеличивалось прибытіемъ къ нему вѣрныхъ ему людей. Какъ бы то ни было, а великій князь послалъ къ нему своихъ людей сказать, чтобы онъ немедленно оставилъ предѣлы Россіи и вышелъ изъ Бѣлева со всѣми своими людьми. Оказавъ въ свое время благодѣяніе великому князю, Улу-Махметъ послалъ къ нему свою челобитную, прося его позволенія побыть еще въ Бѣлевѣ малое время; но великій князь не уважилъ его просьбы и еще два раза присылалъ ему подтвержденіе непремѣнно уйти отсюда, грозя въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ силѣ оружія. Улу-Махметъ еще разъ послалъ къ великому князю нарочныхъ людей просить его о томъ, чтобы онъ безвременнымъ выходомъ изъ Бѣлева не беспокоилъ его, и обѣщался самъ въ скоромъ времени, согласно бывшему между ними условію, выйти изъ предѣловъ Россіи, никому не сдѣлавъ никакого вреда, и впредь, когда возвратитъ свое царство, не только никакого зла ему не дѣлать, подаей и оброковъ не брать, но и дѣтямъ своимъ приказать служить великому князю, и дать ему письменное обязательство за печатями, что и потомки его никогда не будутъ на Россію нападать и противъ нея худо мыслить. Къ изумленію хана великій князь и на этотъ разъ отказалъ ему въ своей милости и подтвердилъ прежнее свое требованіе; но гордый въ самомъ изгнаніи своемъ ханъ не захотѣлъ подчиниться требованію великаго князя. Оставалось рѣшить дѣло оружіемъ, и Василій Васильевичъ прибѣгнулъ къ нему. Несмотря на то, что Бѣлевъ не былъ ему подчиненъ, а находился подъ властію князя Литовскаго, Василій Васильевичъ отправилъ къ Бѣлеву 40000 своего

войска подъ начальствомъ двухъ своихъ двоюродныхъ братьевъ Димитрія Краснаго и Димитрія Шемяки, вождей, по выраженію Карамзина, столь недостойныхъ, что они казались народу атаманами разбойниковъ. Путь свой отъ Москвы и до Бѣлева они съ своею ратью обозначили кровавыми слѣдами и пепломъ: ни одного селенія не оставили они въ цѣлости, вездѣ все разграбили, мучили людей изъ за добычи, убивали скотъ, нагружали повозки добычею и дѣлали всякія неприличія: „и неподобная и скверная дѣяху,“ говоритъ о нихъ лѣтописецъ въ заключеніе своего повѣствованія о ихъ разбойничьемъ набѣгѣ на свои же христіанскія подвластныя Москвѣ и Литвѣ волости, ничѣмъ предъ великимъ княземъ неповинныя ¹⁾).

„Конецъ соотвѣтствуетъ началу,“ говоритъ Карамзинъ въ своемъ повѣствованіи о дальнѣйшемъ ходѣ событій этого похода Шемяки съ 40000-ю ратью на Улу-Махмета подъ Бѣлевъ; мы же скажемъ такъ: возмездіе, полученное Шемякою и всею его ратью подъ Бѣлевымъ, соотвѣтствовало ихъ злодѣяніямъ и было для нихъ и самого великаго князя, пославшаго ихъ, праведною карою Божіею, грознымъ прещеніемъ гнѣва Божія на нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было предположить, чтобы Улу-Махметъ, имѣвшій у себя всего только 3000 людей, изъ коихъ многіе и негодны были къ битвѣ съ русскими, могъ въ конецъ сокрушить столь великую силу своего непріятели и разсѣять ее прахомъ? А это именно и случилось. Но Улу-Махметъ тутъ явился именно орудіемъ гнѣва Божія на беззаконниковъ. Когда подступила къ Бѣлеву 40000-я рать, Улу-Махметъ увидѣлъ явную невозможность держаться далѣе въ Бѣлевѣ, пришелъ въ страхъ и послалъ къ князьямъ Шемякѣ и Красному просить ихъ о томъ, чтобы они дали ему времени только до утра, обѣщавъ на другой день со всѣми своими людьми выйти изъ Бѣлева и уйти изъ предѣловъ Руси, и даже отдавался „на всю волю князей русскихъ.“ Но Шемяка отвергъ мирныя предложенія хана, „видѣвши своихъ вой множество, а сихъ худо недостаточество и разгордѣвшись,“ замѣчается въ лѣтописи Воскресенской. Улу-Махметъ и теперь остался такимъ же, какимъ былъ доселѣ въ своемъ несчастіи: онъ не вышелъ немедленно изъ своей крѣпости, и рѣшился остаться въ ней до другого

¹⁾ См. Полн. Собр. Русск. лѣт. т. VIII стр. 107, Истор. Карамзина и Ист. Соловьева.

дня. Шемяка поспѣшилъ исполнить волю великаго князя, и на утро 4-го декабря со всѣми своими войсками подступилъ къ ледяной крѣпости Улу-Махмета на берегу Бѣлевки. Ханъ съ своими людьми вышелъ противъ нихъ, и подъ стѣнами ледяной крѣпости „бысть имъ бой силенъ,“ говоритъ лѣтописецъ, произошло первое ужасное кровопролитіе, и „поможе Богъ христіаномъ: побиша татаръ много, зятя царева (ханова) убиша, и князей много и татаръ, и въ городъ вогнаша ихъ; убіенъ же бысть тогда во городѣ князь Петръ Кузьминскій да Семень Волынцевъ: гнаша бо ся тѣ за татары и до половины града, а прочіи вси отъ града возвратишася“ ¹⁾. И такъ, Улу-Махметъ потерпѣлъ пораженіе, но еще не былъ окончательно побѣжденъ; Шемяка разбилъ татаръ, но еще не взялъ самаго города и возвратился въ свой станъ; дѣло осталось нерѣшеннымъ. Улу-Махметъ приунылъ, а Шемяка съ своими соратниками возгордился и, конечно, по-своему теперь отпраздновалъ свою побѣду надъ татарами. На слѣдующее утро 5 Декабря Улу-Махметъ послалъ къ князьямъ русскимъ Шемякѣ и Красному и къ воеводамъ тверскому и рязанскому, пришедшимъ съ ними жекъ Бѣлеву, зятя своего Елбердея Дадаръ и князей Усейна Сараева и Усень Хозю, и Шемяка съ своей стороны выслалъ къ нимъ „на зговорку“ Василя Ивановича Собакина да Андрея Ѳедоровича Гольтеява. И сказали посланцы хана Собакину и Гольтеяву: „царево слово къ вамъ,“ даю вамъ сына своего Мамутека, а князи своихъ дѣтей даютъ вамъ въ закладъ на томъ: дастъ ми Богъ, буду на царствѣ, и доколѣ буду жить, дотолѣ мнѣ земли русскія стерещи, и по доходы ми не посылати, ни по иное по что.“ ²⁾ Такое предложеніе хана, конечно, имѣло цѣлю отсрочку его выхода изъ Бѣлева и безопасность самаго прохода его чрезъ русскія земли къ границамъ своего бывшаго царства; но Собакинъ и Гольтеявъ на это не соглашались, и переговоры о мирѣ затянулись. Между тѣмъ Улу-Махметъ, по свидѣтельству казанской лѣтописи, находясь въ отчаяніи, у дверей пустой церкви христіанской палъ на землю, молился съ воплемъ и слезами, призывая христіанскаго Бога на помощь во свидѣтельство и правосудіе, упоминая въ своей молитвѣ о томъ, что между нимъ и великимъ княземъ было

¹⁾ См. Пол. Собр. рус. Лѣт. т. VIII стр. 107.

²⁾ См. Тамъ же.

соглашеніе, но великій князь возсталъ на него несправедливо и старается сгубить его, стѣсненнаго бѣдами и напастями, не смотря на то, что онъ не сдѣлалъ никакого зла великому князю. ¹⁾ У дверей какой именно христіанской церкви ханъ палъ на землю и молился такимъ образомъ, конечно, отгадать трудно. „Примѣчается, говоритъ Рычковъ, что тутъ прежде было руссiйское село;“ но мы знаемъ, что здѣсь былъ городъ, и Улу-Махметъ, конечно, молился у дверей одной изъ городскихъ церквей, и для насъ важно то, гдѣ именно стояла эта церковь: если въ самой же ледяной крѣпости, то это убѣждаетъ насъ въ томъ, что теперешняя Успенская церковь, прежде именовавшаяся Архангельскою и вмѣстѣ съ другими четырьмя церквями (Воскресенскою, Срѣтенскою, Покровскою и Богородицерождественскою) считающаяся древнѣйшею въ городѣ, въ ту пору уже существовала; если же эта церковь находилась близъ стараго городища на посадѣ, или за ледяною крѣпостію, то это важно въ томъ отношеніи, что служить доказательствомъ того, какой ужасъ навелъ Шемяка на жителей Бѣлева своимъ приближеніемъ къ нему, если они рѣшились теперь покинуть свои жилища, и церковь опустѣла.

Молитва воодушевила Улу-Махмета. Видя упорство Собакина и Гольгяева и не желая пропускать времени, ханъ посиѣшно собралъ своихъ людей, сѣлъ на коня, съ яростію бросился на русскіе полки. Утро было очень мглистое: „и того утра мгла бысть велика,“ говоритъ лѣтописецъ; сторожа русскіе не замѣтили того, какъ отворились ворота ледяной крѣпости, вышли оттуда татары и устремились на русскіе полки. Но, какъ нужно полагать, еще прежде, чѣмъ татары вышли изъ своего „ostroга,“ сами русскіе въ то же утро „превозношеніе въ сердци ихъ имуще,“ какъ говорится въ лѣтописи, двинулись всею своею силою къ городу съ кликами воинскими „кличаще, яко жрети хотящи,“ по выраженію лѣтописи. Конечно, русскіе были увѣрены въ полной своей побѣдѣ надъ татарами на этотъ разъ. Быть можетъ, въ этихъ видахъ и Собакинъ съ Гольгяевымъ во время своихъ переговоровъ съ посланными отъ хана ничего не хотѣли слышать; они могли надѣяться, что скоро русскіе и безъ того покончатъ съ татарами. Но „Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ,“ говоритъ наша русская пословица: „Если вы этого не хотите,“ вдругъ сказали имъ посланцы хана, воз-

¹⁾ См. Рычкова Опытъ Казан. Ист. стр. 79—80.

высивъ свой голосъ и перстомъ указывая имъ на русское войско: „смотрите сюда!“ Взглянули Собакинъ и Гольтьевъ, и что-же въ самомъ дѣлѣ представилось ихъ взору? Въ эту самую минуту русскіе бѣжали отъ городскихъ стѣнъ, гонимые какимъ-то паническимъ страхомъ. Внезапно вся рать Московская дрогнула и съ воплемъ устремилаь назадъ, обратившись въ самое позорное бѣгство, когда никто еще ея не гналъ. Видя это, татары едва вѣрили своимъ глазамъ, наконецъ поскакали за русскими и, настигнувъ ихъ, начали рубить и топтать тысячами, такъ что отъ 40000 едва малая часть съ своими предводителями спаслась отъ гибели, укрывшись въ лѣсахъ и по берегамъ рѣкъ. Такимъ образомъ войско Московское разсѣялось, какъ дымъ. Въ числѣ другихъ тутъ убиты были военачальники Андрей Константиновичъ Шонуровъ, князь Феодоръ Торусскій, князь Андрей Стародубскій-Лобанъ, Никита Туриковъ, Семень Гореткинъ, Кузьма Порховской, Иванъ Кузминскій, Андрей Хоробровъ, Димитрій Каиса и иныхъ, говоритъ лѣтописецъ, многое множество... „Князи же большіи убѣгоша здрави въ малѣ дружинѣ“ ¹⁾. Гдѣ именно произошла эта ужасная *стѣна*, сказать съ увѣренностію трудно, но едва ли не на *Сышкиной горѣ* на берегу Бѣлевки, гдѣ естественнымъ образомъ могла кончатся и самая ледяная крѣпость, и откуда лежала безпрепятственная дорога къ Москвѣ, а равно можно было бѣжать и въ лѣса по берегамъ рѣчекъ Лютимки, Волкуши и даже Малой Вырки, чтобы „укрыться“ тамъ.

Казанскій лѣтописецъ говоритъ, что Улу-Махметъ послѣ молитвы своей у дверей пустой христіанской церкви хотѣлъ— было въ своей ледяной крѣпости защищаться отъ русскихъ, но увидѣлъ какой-то чудный свѣтъ, отворяющій ворота, и потому рѣшился выйти изъ своего укрѣпленія и стремительно ударить на русскихъ, и ни словомъ не упоминаетъ о помощи, по сказанію нашихъ лѣтописцевъ Софійскаго и Архангельскаго, оказанной ему Мценскимъ воеводою Григоріемъ Протасіевымъ ²⁾, который, будучи подвластенъ великому князю литовскому, „сотвори крамолу...- учаль царю нарочити, а воеводамъ великаго князя говорилъ такъ: великій князь прислалъ ко мнѣ, битися со царемъ не велѣлъ, а ве-

¹⁾ См. Полн. Собр. рус. лѣт. т. VIII стр. 107, а такъ-же т. VI стр. 150 и Исторія Карамзина и Соловьева.

²⁾ Протасіевъ былъ въ 1430 г. вѣроподобно взятъ въ плѣнъ во Мценскѣ Айдаромъ, но Улу-Махметомъ освобожденъ. См. Ист. Карамзина т. V стр. 253.

лѣлъ смириться и полки распустили,“ а самъ между тѣмъ „на ту ночь послалъ своего человѣка къ царю, чтобы утромъ на рать великаго князя пришелъ“, русскимъ князьямъ „обѣщаль стати за одинъ“, а когда Улу-Махметъ вышелъ изъ крѣпости, слову своему измѣнилъ, „ста съ татары на рустіи вои“, впередъ всѣхъ побѣждалъ съ своими людьми и закричалъ: „побѣжи, побѣжи!.... и побѣгоша“ ¹⁾. Очень можетъ быть, что Протасіевъ дѣйствительно такъ и сдѣлалъ, желая *наказать грабителей*; но для Улу-Махмета даже и въ этомъ случаѣ слишкомъ было рисковано идти 5-го декабря противъ русскихъ, и если онъ пошелъ на нихъ, то по иной причинѣ, именно, надѣясь на правосудіе Бога христіанскаго, Которому онъ молился въ горести своей души; почему лѣтописецъ Казанскій, передающій всѣ подробности пребыванія Улу-Махмета въ Бѣлевѣ, говоритъ только объ этой молитвѣ и о чудномъ свѣтѣ, и совсѣмъ умалчиваетъ о Григоріѣ Протасіевѣ, точно такъ же и наши лѣтописцы Софійскіе первый и царскій, и воскресенскій. За то всѣ наши лѣтописцы въ поражениі русскаго войска видятъ ясно ничто иное, какъ наказаніе Божіе: „гордости ради и множества грѣховъ“, говоритъ тотъ же самый составитель второй Софійской Лѣтописи, или „превозношенія ради нашего и за множество согрѣшеній нашихъ попусти Господь невѣрнымъ одолѣти многое воинство православныхъ христіанъ“, говоритъ составитель Воскресенской Лѣтописи.

Блистательная побѣда не ослѣпила Улу-Махмета и не удержала въ Бѣлевѣ: онъ добровольно вышелъ изъ Бѣлева, чрезъ землю Мордвы прошелъ къ Саинову Юрту, основалъ тамъ Казанское царство и потомъ оплатилъ Василию Васильевичу тѣмъ, что въ 1439 году неожиданно явился подъ стѣнами Москвы, пожегъ посады ея и ушелъ. Впослѣдствіи самъ Василій Васильевичъ попалъ въ плѣнъ къ Улу-Махмету, но этотъ царь обошелся съ нимъ очень великодушно и освободилъ его изъ плѣна.

Ледяная крѣпость Улу-Махмета, при наступленіи весны, конечно растаяла, но „хвастіе“ или плетень и рвы могли остаться и впослѣдствіи послужили основаніемъ новаго Бѣлевскаго острога, или большой крѣпости, существовавшей до

¹⁾ См. Пол. Собр. русск. лѣт. т. VI стр. 150 и прим. къ Исторіи Карамзина т. V стр. 205—206, по изд. 1852 года.

конца XVIII вѣка; валы и рвы ея цѣлы еще и доселѣ близъ теперешняго тюремнаго замка.

Существуетъ мнѣніе, что ханъ Улу-Махметъ кочевалъ близъ г. Бѣлева въ „Дубровѣ“, и тамъ провелъ цѣлую зиму. Г. Мартыновъ даже помѣстилъ въ Тульск. Губ. Вѣдомостяхъ цѣлую статью объ этомъ. Съ этимъ мы не вполне согласны. Какъ выше мы показали, бой былъ именно въ Бѣлевѣ, а не на „Дубровѣ“ близъ Бѣлева: ибо въ лѣтописныхъ сказаніяхъ ясно говорится о рѣкѣ Бѣлевѣ и городѣ на ней и о пустой христіанской церкви, что не можетъ никакъ относиться къ „Дубровѣ“, находящейся отъ г. Бѣлева въ 5-ти верстахъ. Дѣло могло быть такъ, по нашему мнѣнію: лѣтомъ 1437 г. Улу-Махметъ могъ придти къ Бѣлеву и кочевать въ „Дубровѣ“, при наступленіи же осени, въ сентябрѣ или октябрѣ 1438 года (годъ тогда начинался съ сентября) онъ пришелъ въ самый г. Бѣлевъ и здѣсь устроилъ свою ледяную крѣпость на берегу р. Бѣлевки; могъ онъ и потомъ, по выходѣ изъ Бѣлева, провести остатокъ зимы въ „Дубровѣ“. Но чтобы все время онъ провелъ въ „Дубровѣ“, и самый бой его съ русскими былъ тамъ, на это нѣтъ основаній въ лѣтописныхъ сказаніяхъ.

Г. Бѣлева протоіерей **Михаилъ Вурцевъ.**

(Изъ Тул. Епарх. Вѣдомостей № 8).

Тула. Печатать позволяется. 1898 г. Апрѣля 15.

Цензоръ Протоіерей *Георгій Паковъ.*

Типографія И. Д. Фортунатова, въ Тулѣ.